

ИНТЕРВЬЮ 18.11.2019

Крик души в поиске любви

Исследовательница экстремизма Юлия Эбнер о пропаганде радикализма и Интернете как катализаторе ненависти

Читайте это интервью на немецком языке

Интервью провела Клаудия Детч

Вы исследовали различные группы экстремистского характера в режиме онлайн с соблюдением конспирации. Как конкретно выглядит такое расследование?

За последние годы было проведено много аналитических исследований экстремизма в Интернете. При этом особенное внимание уделялось языковым изменениям в различных экстремистских группах, размаху кампаний, а также целевым группам. Но мне всегда не хватало человеческого подхода. Я хотела лучше понять социальные процессы внутри экстремистских групп. Поэтому я создала несколько вымышленных имен в сети, чтобы в течение двух лет пройти через различные процедуры набора и получить доступ к соответствующим группам. В некоторых случаях я встречалась с членами этих групп и в реальной жизни.

Как работает механизм набора и создания таких радикальных групп?

Праворадикальные группы осуществляют процедуру приема через распространенный бесплатный мессенджер Discord. Многие из них сначала проводят фоновую проверку аккаунтов в социальных сетях, которые необходимо указать в запросе. Частично они также сами составляют опросники об идеологических убеждениях, политической позиции или культурном мировоззрении. В других же группах важную роль играет религия. За этим часто следуют голосовые чаты или интервью. Таким образом они пытаются избежать проникновения в свою среду журналистов или сотрудников

спецслужб. После массовых беспорядков, устроенных ультраправыми в Шарлоттсвилле в 2017 году, процесс набора новых членов чрезвычайно ужесточился. Так, например, группа неонацистов из США потребовала от меня пост с фотографией запястья, логотипом группы и временной меткой в доказательство того, что я представительница белой расы. Иногда в качестве подтверждения своего происхождения они хотят получить и результаты генетического тестирования.

Вы сохраняли вымышленное имя при встречах с отдельными членами?

Вначале я не ставила перед собой цели встретиться и в реальной обстановке. Поэтому, например, на фотографии своего профиля я – блондинка. Позже я соответственно обзавелась и париком блондинки. В рамках процесса приема в идентаристское движение были и контакты в режиме офлайн. Мне пришлось встретиться с австрийским идентаристом в Вене. После этого состоялась беседа по скайпу с одним из руководителей движения из Шотландии, принявшим участие в создании новых ответвлений в Британии и Ирландии. Затем меня пригласили на первую встречу этого британско-ирландского бюро в Лондон.

Иначе говоря, возникла своя собственная динамика. Если мысленно вернуться к тому периоду развития, какие предложения делают эти группы своим членам? Какие люди особенно восприимчивы к контенту таких групп?

Печально собственно то, что многие новые члены этих групп искали скорее любви, дружбы, общения и своего собственного «я». Многие находились в состоянии личного кризиса. Особенно ярко это проявилось, например, в группе «женоненавистников», членами которой стали многие люди, потерпевшие неудачу в личных отношениях и страдавшие от того, что их никто не любит. То есть в конечном счете речь идет о замене семьи или круга друзей. Именно это и предлагают такие группы. Потому картина восприимчивости весьма разнообразна. Заявки на членство поступают от представителей различных возрастных групп, различного образовательного уровня или выходцев из различных социально-экономических отношений.

Общим для всех является потребность борьбы с кризисом идентичности. В таком состоянии каждый становится восприимчивым к радикализации. В группах индивидуальное раздражение возводится на коллективный уровень и предлагается объяснение этому состоянию. Происходит процесс

социализации, которому вначале собственно подчинены и радикализация, и идеологическая индоктринация. Внутри группы возникают собственный словарь и собственный юмор, которые поначалу создают впечатление, что все это не очень серьезно. Но в конечном счете всегда дается четкое определение образа врага и осуществляется пропаганда экстремизма.

А вы не скрывали, что являетесь женщиной, общаясь с такими женоненавистническими группами, и не использовали вымышленное женское имя?

По-разному. В женских мизогинистских группах я прежде всего создавала свой аккаунт. Это было довольно интересно, ибо я столкнулась с совершенно иной формой радикализации – группой, ненависть которой обращена не против чужой группы, а против самих себя. Через свой мужской аккаунт я вскоре окунулась и в мужскую среду носителей такого мнения. Однако главным объектом моего внимания оставались женоненавистники-женщины, так как с подобными вещами мне до сих пор встречаться не доводилось.

Эта группа не имеет заметного представительства и в средствах массовой информации.

Именно. Но мне все же было интересно, так как в некоторых группах тебя как женщину отчасти принимают с распростертыми объятиями, например, в движении идентаристов или в некоторых американских группах альтернативных правых. Для них имеет немалое значение наличие женщин на заметных позициях, так как это придает облику группы большую легитимность и безобидность. Другие же движения в свою очередь брали меня вопреки тому, что я женщина. Так было в случае с американской неонацистской группой, где мне пришлось показать результаты генетического теста.

Какую роль играют теории заговора внутри этих групп? Извне такие теории кажутся нелепыми, и возникает вопрос, как кто-то всерьез может быть приверженцем таких теорий.

Частично вполне целенаправленно нанимаются теоретики заговора или лица, по исследованиям которых можно судить об их склонности во всем подозревать заговор. С другой стороны, теории заговора могут доноситься до сознания в опосредованной или скрытой форме. Тогда по аналогии с фильмом «Матрица» они называют это «редпиллингом», при котором происходит пошаговое наращивание идеологического компонента. Самый

яркий пример теории заговора, генерирующей ненависть к чужой группе, направлен против глобальной еврейской элиты. Таким образом личный страх подпитывается созданным образом (фотороботом) преступника. В большинстве случаев эксплуатируются страхи, связанные с темой миграции, сексуального насилия, сползания на социальное дно или нападениями террористов. Тогда теория заговора предлагает легкое объяснение и предоставляет простой образ врага. В случае с евреями, тайно управляющими всем миром, речь собственно идет об очень старой теории заговора, которая, впрочем, связывается с актуальными политическими событиями и новой социальной динамикой, а также общественными процессами.

Нынче, правда, часто встречаются очень экстремальные позиции, которые в конечном счете безобидны, так как соответствующая группа замкнута на себе в Сети. Возможно ли, наблюдая извне, отличить на таких платформах действительно опасные тенденции от скорее безобидных взаимодействий?

Проблема в том, что во многих теориях заговора или соответствующих идеологиях пропагандируется в некоторой степени угроза самому человеческому существованию. Картины апокалипсиса могут склонить определенных индивидуумов к потере веры в возможность нахождения политических или метаполитических решений. Это может стать мощным средством усиления склонности к насилию. И тогда война на расовой, культурной или религиозной почве оказывается единственной логичной формой самозащиты. Нечто подобное может очень быстро вдохновить террористов на акции, свидетелями которых мы стали в новозеландском городе Крайсчерче или в США, а недавно и в немецком Халле.

Не являются ли социальные сети катализатором подобных процессов? Молниеносную связь между членами таких сетей и стремительную радикализацию трудно представить вне цифрового пространства.

«Катализатор» как раз правильный термин, ибо динамика, которую я наблюдала в режиме онлайн, мало чем отличается от обычных процессов радикализации в режиме офлайн. Однако новым стал способ, при помощи которого осуществляется формирование международных сетей и мобилизация их членов. Периферийным группам сегодня удастся быть лучше услышанными и набирать новых членов не только из состава традиционных целевых групп. Поскольку в разных странах существуют различные субкультуры, они могут сознательно

подгонять под них свою коммуникацию и пропаганду. К тому же на руку им играют алгоритмы и инфраструктура большинства технологических платформ. Именно в рекомендательных системах содержание радикального характера в большинстве случаев можно увидеть на верхних позициях, и, таким образом, без предварительной политической или идеологической подготовки очень быстро может произойти сползание к обостренному восприятию экстремистских идей.

А есть ли различия в динамике развития между различными радикальными группами? Мы говорили преимущественно о правых группах, а какова ситуация с исламистскими группами?

Вот уже несколько лет в Сети ведется активная борьба с исламистскими группами или, по крайней мере, их пропагандой. Там существует Глобальная коалиция по борьбе с ИГИЛ – сеть международного сотрудничества, работающая главным образом против пропаганды ИГ, а также объединение четырех больших технологических платформ Microsoft, Facebook, Google и Twitter, задача которого состоит в максимально быстром удалении пропагандистских видео или же их перезагрузке на страницах этих платформ. Однако 90 процентов этих усилий направлено против исламистской пропаганды, а не против правого экстремизма. Тем самым ультраправым группам намного дольше удавалось оставаться вне поля зрения органов власти и технологических концернов и создавать свои сети. К тому же сегодня они активнее используют сатиру и серые зоны, прибегая к ребрендингу символов и другому лексикону по сравнению с традиционными неонацистскими группами.

Вы говорите, что технологические концерны пытаются пресечь радикализацию на своих страницах. Но часто они оказываются объектом критики и их обвиняют в малодушии при уничтожении контента, содержащего пропаганду ненависти. В достаточной ли степени активны технологические корпорации?

Я бы сказала, что в большинстве случаев главное для них – репутация. Это можно видеть по реактивному характеру их действий. Теоретически им нужно было бы изменить всю свою бизнес-концепцию. Ведь алгоритмы являются довольно ярким отражением человеческой психики, а именно содержание экстремального характера, к сожалению, прежде всего привлекает наше внимание. Раньше мы с удовольствием наблюдали за боями гладиаторов, но и сегодня наше внимание приковывает к себе насилие. Таким образом нужен более гуманный подход или же полное изменение алгоритмов и бизнес-моделей этих концернов.

В любом случае политика может до определенной степени оказать давление, чтобы добиться удаления контента, содержащего насилие, из Сети. Причем не только со стороны крупных, но и небольших, часто намного более экстремальных, а частично ультраидентаристских платформ, превратившихся в настоящие рассадники экстремизма. Они отчасти действуют в полной изоляции и потворствуют возникновению рупоров экстремизма, через которые транспортируются призывы к насилию. Здесь политике нужно действовать намного активнее.

Насколько хорошо подготовлены спецслужбы к выявлению и мониторингу таких радикальных игроков в Сети?

Тут нужно наверстывать упущенное. Именно после Крайсчерча стало заметно, что все внимание и ресурсы после событий 9 сентября были чересчур сосредоточены на (исламском) терроризме. За правыми сетями в Интернете наблюдение почти не велось. Был упущен момент для лучшего понимания всей этой субкультуры с целью ее адекватного осмысления. Что является потенциальной угрозой демократии? Что может перерасти в насилие? Что на самом деле является лишь троллингом? Во всяком случае в данный момент органы власти в Германии и во всем мире не имеют полной картины ультраправых группировок в Интернете. Зато ситуация намного лучше с точки зрения информированности о деятельности исламистских групп.

А как обстоит дело с ультралевыми группами?

Хотя во время своего расследования я присматривалась к идеологическим течениям всех мастей, но все же пыталась при этом описать сети с наибольшим влиянием, представляющие максимальную угрозу для демократии и общества. Мне бросилось в глаза, что именно в среде ультраправых особое внимание уделялось дисциплине и порядку. Праворадикальные группы лучше скоординированы и имеют более обширную сеть, которой присуща военная структура, а потому они действуют в онлайн-пространстве намного эффективнее. Это касается набора новобранцев, коммуникации и создания международных сетей. На левом фланге такой же координации и сосредоточения внимания на дисциплине и порядке я не заметила.

С другой стороны, есть и существенные идеологические различия. И в исламистских, и в праворадикальных группах ярко выражена тенденция к разжиганию ненависти против представителей чужой, в большинстве случаев этнически малочисленной группы. С идеологической точки зрения среди

левых этого нет. Напротив, там осуществляется мобилизация сил в ответ на правый экстремизм. Как раз в качестве ответной реакции на Шарлоттсвилль там, конечно же, проявили себя и воинствующие левые группы, желавшие мести. Но это были скорее реактивные действия, движущей силой которых не была ненависть к чужакам. Исключение здесь составляют антиавторитаризм и мобилизация левых экстремистов на борьбу против государства. Но на тактическом уровне они просто не столь изоцирены и организованы в военном отношении по сравнению с правыми силами. Часто приходится слышать упреки в том, что я не вижу на левый глаз, но если объективно посмотреть на ситуацию в сетях, то там нет ничего сопоставимого с ультраправыми.

Вернемся к вашей личной истории. Вы написали книгу, в основу которой легло ваше расследование деятельности экстремистских групп в сетях. Не рискуете ли вы, открыто показываясь на публике? Вам не угрожали?

В данный момент все на удивление спокойно. В прошлом я уже получала довольно много угроз в свой адрес и настроилась на то, что после этой публикации также последуют угрозы или кампании разжигания ненависти. Моя задача состояла в том, чтобы понять, что загоняет людей в такие группы и как их можно вытянуть оттуда. Для меня было очень важно не раскрывать личностей непубличных экстремистов, и в то же время я надеялась, что в ответ на это будет проявлена гуманность и в отношении меня. Даже среди самых радикальных экстремистов я находила что-то человеческое, и у меня сложилось впечатление, что такие выводы из своих наблюдений можно было бы использовать как отправную точку при реализации программ дерадикализации в виртуальном пространстве.

Я с трудом могу себе представить необходимость бороться с радикальными позициями, травлей и сохранение вопреки всему этому человеческого характера общения.

Это смесь и того, и другого. Конечно, мне претили расистские шуточки или идеологии на основе теорий заговора, при которых я испытывала большое желание тут же их развенчать. Но нельзя не заметить, что в этом процессе радикализации есть и немало человеческих мотивов, а многое начинается с поиска любви или признания. Я даже испытывала очень большое сочувствие именно к молодым членам таких движений.

Юлия Эбнер

Юлия Эбнер (Julia Ebner) – автор книг и исследовательница экстремизма в Лондонском институте стратегического диалога.